

Оглавление

1. Castle In The Sky	7
2. The breach	21
3. Lifeline.	44
4. Eye of the Storm.	62
5. Won't Let Up.	73
6. Finish What I Started	95
7. The Road I'm On	109
8. Anything but Ordinary.	129
9. Untraveled Road.	155
10. Moth to a Flame	169
11. Like A Villain.	187
12. Dancing's Not a Crime	202
13. Losing Your Memory	218
14. Leap Of Faith.	250
15. Bad Habits	266
16. My Head's a Prison and Nobody Visits	291
17. Fake It.	310
18. Paranoid.	350
19. Scars	369
20. Hurricane	388
21. I Really Wish I Hated You.	414
22. Dangerous Game.	442
23. As Far as I Remember.	470
Плейлист	510

*Спасибо, что отвел меня туда,
где я мечтала оказаться,
но куда боялась идти*

1

Castle In The Sky

Дышать нечем. Едкий дым проникает в легкие, раздражает глаза и заставляет кашлять. Из-за выступающих слез все размазывается и плывет. Я едва ориентируюсь в пространстве. Хватаюсь за деревянную балку и тут же, шикнув, отдергиваю руку — слишком горячо.

Жар обступает со всех сторон, лишая тело способности двигаться. Ноги словно прирастают к полу. По виску стекает капля пота. Лоб покрывается испариной.

Стук сердца отдается в ушах, сливаясь с бесконечным треском, грохотом и протяжным человеческим криком вдалеке. Я оборачиваюсь и в ужасе округляю глаза — яркие языки пламени облизывают стену за спиной, догоняя меня. Стряхивая с себя оцепенение, я продвигаюсь вперед — к окну. Нужно просто добраться до него и прыгнуть. Второй этаж — неприятно, но лучше, чем сгореть заживо или задохнуться. Ноги делают пару шагов, едва удерживая меня в вертикальном положении.

Надежда рушится вместе с оглушительным звоном стекла. Окна трескаются и рассыпаются осколками, огонь рвется вверх, чтобы подпитаться кислородом. Ужас расплзается внутри, вытесняя мысли.

Это была моя единственная надежда. Единственное, что я успела придумать.

Отчаяние сбивает с ног, и я падаю на колени, прижимая руку ко рту и пытаюсь дышать.

Кто бы мог подумать, что можно умереть в «Джейн Эйр»? Я совсем не рассчитывала на такое, когда ныряла в нее. Всего

лишь хотела немного развеяться, понаблюдать за героями и прогуляться в прохладной тени Торнфильда.

Очередная попытка вернуться в реальность проваливается, сколько бы я ни жмурилась и не представляла домашнюю гостиную, — слишком много отвлекающих факторов. Ужас и паника — главные из них. Я просто не могу сосредоточиться.

Сколько там осталось до конца книги? Поместье определенно должно догореть, чтобы сюжет двинулся дальше, а значит, рассчитывать на то, что меня сейчас выбросит в реальность, не стоит.

Бездумно развернувшись, я ползком продвигаюсь в неизвестность сквозь дым — куда угодно, лишь бы подальше от жара и треска огня. Уткнувшись лбом во что-то, прикрываю глаза, мысленно выругавшись.

Дверь. Чертова дверь, которую заклинило.

Руки поднимаются с трудом, но я все-таки колочу по дереву, хотя знаю, что меня некому услышать. Самая большая глупость, которую я совершала в книгах, приведет к смерти. Просто потрясающе. Я ведь читала «Джейн Эйр». Зачем осталась в поместье, в котором с минуты на минуту должен был разгореться пожар?

Опора в виде двери исчезает, но я не успеваю это осознать. Кто-то резко выдергивает меня из комнаты, я оказываюсь в коридоре, и сквозь треск огня слышится низкий мужской голос:

— Вы кто?

Едва ли от меня ждут ответа. Я моргаю, пытаюсь избавиться от слез, и с трудом разглядываю очертания фигуры. Высокая, широкоплечая — больше ничего рассмотреть не могу, но и так понимаю, что это мистер Рочестер.

Он тщетно пытается поднять меня на ноги и в конце концов вытаскивает за собой, пока я жадно хватаю ртом воздух — не сказать, что здесь совсем нет дыма, но дышать явно легче, чем в полыхающей комнате.

Стоит в сознании появиться обнадеживающей мысли — я спасена! — как над головой раздается оглушительный треск. Толчок отправляет меня вперед, и я, кубарем скатившись с лестницы, вскакиваю на ноги, оживленная новым приливом

адреналина. На место, где мы только что стояли, падает пылающая массивная балка, разбрасывая вокруг искры и огонь.

Никакой мужской фигуры больше нет. Звуков, кроме бесконечного треска, тоже. Я напряженно сглатываю — кажется, по моей милости только что погиб мистер Рочестер.

К черту. Он — всего лишь персонаж. Это все не по-настоящему. А вот мне умирать здесь точно не стоит.

Из последних сил ринувшись вниз по лестнице, я наугад нахожу двери и вываливаюсь на улицу. Стоит свежему воздуху проникнуть в легкие, как силы оставляют меня окончательно. Ноги подкашиваются, и я врезаюсь коленями в землю, покрытую яркой влажной травой, и упираюсь в нее ладонями.

Голову удается повернуть с трудом. Взгляд вонзается в Торнфильд, пылающий посреди темного ночного неба, и я зажмуриваюсь и мотаю подбородком.

Не надо на это смотреть. Не нужно лишних мыслей. Не стоит тянуть время и искушать судьбу, я должна выходить прямо сейчас.

Закрывать глаза и провалиться в обступающий со всех сторон мрак. Короткий вдох и медленный сосредоточенный выдох, чтобы освободить сознание. Не слышать окружающие звуки. Нет больше треска пылающего поместья.

Воссоздав в памяти домашнюю гостиную, я чувствую, как все в голове смазывается, и я проваливаюсь в ускоряющийся водоворот.

Ступни тут же ощущают мягкий ворс ковра. Я оказываюсь на длинном угловом диване из бежевой кожи прямо посреди просторной светлой комнаты. Взгляд упирается в длинный камин, который будто вырастает прямо из пламени, и нависающий над ним белый матовый стеллаж, заставленный маминими дипломами. Обернувшись, я натужно сглатываю, уставившись в вытянутые во всю стену окна. Половина города видна из них как на ладони. Бесконечные блестящие башни высоток уходят в облака и теряются в небе. Яркое весеннее солнце проникает в гостиную, вдыхая в это слишком идеальное место хоть немного красок.

Пальцы сжимаются, вцепившись в книгу, и подушечки бережно поглаживают твердую обложку с глянцевыми вкраплениями.

Все в порядке. Я дома. Я вернулась, хоть в этот раз моя жизнь висела на волоске. На негнущихся дрожащих ногах добираюсь до ванной, смываю с лица копоть, приглаживаю волосы и передеваюсь, тут же бросив грязные пропахшие дымом вещи в стирку.

Всегда ли так опасно нырять в книги? Нет, но промашки случаются с каждым, застраховаться от недоразумений не выйдет. Нырну ли я после такого в книгу снова? Определенно да.

Если вы не понимаете, зачем утыкаться носом в страницы новой книги, вдыхая полной грудью, то нам и говорить не о чем. Если от запаха свежей типографской краски и бумаги у вас блаженно не закатываются глаза, то мы не найдем общих тем для разговора.

Первое прикосновение к обложке — твердой, мягкой, лакированной, матовой — как первый взгляд на незнакомца. Сразу появляются догадки и предположения, куча вопросов мигом рождается в голове. Подходим ли мы друг другу? Хорошо ли нам будет вместе? Захочется ли с головой нырнуть в эту историю? Но ответов пока нет.

Пальцы бережно скользят по корешку, отмечая каждую деталь. Добираются до самого края. Ногти касаются подвертки, и только после этого появляется форзац. Каким он будет? Просто белая бумага? Цветная? Может, карта или замысловатый узор? Или даже рисунок?

Титульный лист тоже заслуживает отдельного внимания, но бороться с нестерпимым любопытством все труднее, и с каждой секундой задача будет только усложняться. Чем ближе к тексту, тем быстрее листаешь, с трудом сдерживаясь.

Тихий треск корешка. Нежный шелест страниц. Шершавая бумага под подушечками пальцев. Белая, гладкая, совсем новая или коричневатая — тронутая временем и потрепанная.

Нет ничего лучше этих ощущений. В такие моменты все возможные миры сходятся в одной точке, и только мне решать, что настоящее, а что — выдумка.

Вернувшись в гостиную, я опускаюсь на диван и подхватываю томик «Джейр Эйр», бездумно поглаживая обрез. Тетя Диана наверняка отчитала бы меня за непредусмотритель-

ность и очевидную глупость, но мы так редко видимся, что едва ли она вообще узнает об этом недоразумении.

Я нехотя раскрываю книгу, бегло пролистывая страницы. После пары первых глав, сохранившихся в первоизданном виде, я начинаю верить, что мое присутствие ничего не изменило, но взгляд быстро цепляется за помятые листы с кривыми исправлениями. Местами текст исчезает, буквы громоздятся друг на друге, кучкуясь и сливаясь.

Проклятье какое-то. Мне еще ни разу не удалось нырнуть в книгу так, чтобы это не повлекло никаких изменений. Неужели сюжет — такая хрупкая и продуманная вещь?

Скептически пробежавшись взглядом по тексту, переворачиваю страницу. Вина вспыхивает в сознании мгновенно, стоит только буквам собраться в слова, а словам — в предложения.

Мистер Рочестер вытолкнул меня из горячей комнаты, а сам остался под завалами пылающего Торнфильда. Я знатно подпортила концовку.

Остается утешать себя мыслями о том, что в мире существуют миллионы правильных экземпляров «Джейн Эйр». Я испортила только свой.

Шумно захлопнув книгу, поднимаюсь с дивана. Нужно унести измененный роман в мою комнату и хорошенько спрятать. Вряд ли мама или брат решат полистать мои книги — они не очень тянутся к литературе, — но лучше не давать лишних поводов для вопросов. Хотя что-то мне подсказывает, что брат даже не знает правильную концовку.

Не успеваю я сделать и пары шагов в сторону спальни, как из коридора разносится шум и шорох пакетов. Торопливый цокот каблучков неумолимо приближается. Глупо бежать и пытаться спрятаться в моей спальне.

Рука взлетает к шее, я сдергиваю тонкую цепочку и раздраженно сжимаю карманные часы, скользнув взглядом по серебряной крышечке с мудренными узорами и вкраплениями пурпурных камней по краям. Резная часовая стрелка показывает ровно шесть.

Тетка не для того мне их подарила, чтобы я вот так пропустила мамино возвращение. Уж не знаю, где Диана их добыла, но, в какую бы книгу я ни отправилась, часы всегда показывают время реального мира. Очень кстати, учитывая,

что течение времени в разных историях не поддается никакой логике.

Несомненно, это очень ценный и полезный подарок, если не пренебрегать им и пользоваться по назначению, а не терять счет времени.

Мне удается сдернуть часы с шеи и засунуть их в карман юбки до того, как мама появляется в арочном проеме. Она торопливо касается пальцами тщательно уложенных каштановых волос и поправляет белоснежный воротник блузки под строгим пиджаком, а потом щурится. Взгляд ореховых глаз прибавляет меня к месту.

— Теодора? — Ни одна черта на ее лице не выдает удивление. Только губы, густо покрашенные светло-бежевой помадой, сжимаются. — Что ты делаешь дома в такое время?

Мне уже даже не хочется обиженно закатывать глаза. Сколько бы раз я ни повторяла одно и то же, мама все равно забудет. В ее цепкой памяти нет места для информации обо мне.

— У меня выходной, — повторяю я в очередной раз, пожав плечами и аккуратно заводя руку за спину в попытке спрятать книгу. Во мне вспыхивает желание швырнуть роман на диван и надеяться, что он затеряется среди подушек, но я решаю не рисковать.

Не нужно быть гением, чтобы предсказать мамины слова. Тем более мы заводим этот разговор в четвертый раз со вчерашнего утра. Мама продолжает атаковать меня уже привычными вопросами:

— В честь чего? Какой-то особый праздник? День открытия первой библиотеки? Или наоборот — день, когда в библиотеку зашел последний посетитель?

Если шутка, повторенная дважды, становится глупостью, то что с ней происходит на четвертый раз? А если шутка изначально не была смешной?

подавив тяжелый вздох, я поджимаю губы и отрывисто отвечаю:

— Никаких праздников. Просто расписание такое.

Мама фыркает так презрительно, что хочется раскрыть книгу и спрятаться в ней прямо сейчас. Поток упреков и едких замечаний обрушивается на меня незамедлительно:

— Разумеется. Какая специальность, такое и расписание. Вот на юрфаке такого просто не может быть. Ты не подумала над моим предложением, Теодора? Еще не поздно перевестись — она вздыхает и натягивает неестественно заботливую улыбку. — Достаточно. Не нужно мне ничего доказывать, это бессмысленно. Раз ты не поступила, куда хотела, можно и прислушаться к матери, а не выбирать специальность назло. Я же тебе не враг. Я не пытаюсь навредить.

От ее подчеркнутой теплоты скулы сводит. Каждое слово — издевка. Я прекрасно знаю, что не поступила, куда хотела, из-за маминой знакомой в приемной комиссии.

Хочется выплеснуть все свои обиды и возмущения прямо в мамино лицо, больше походящее на идеальную равнодушную маску, но я только стискиваю зубы и процеживаю:

— Спасибо за щедрое предложение, но я вынуждена отказаться.

Дружелюбие моментально исчезает с маминого лица, словно язычок пламени слизнул. Не остается ни намек на родительскую теплоту и заботу. Брезгливо поморщившись, мама делает пару шагов вперед и проходит в комнату:

— И чем ты занималась весь день? — Ореховый взгляд замирает, все-таки наткнувшись на книгу в моих руках. — Опять просидела за этой ерундой?

О, если бы она только знала, что я прогуливалась по прохладной тени леса возле Торнфильда, заглядывала в высокие окна поместья и даже смешалась с толпой гостей, чтобы поболтать с мистером Рочестером и Джейн Эйр, а потом пряталась в мрачных темных коридорах, наблюдая за персонажами. А потом чуть не сгорела в пожаре. Но таких новостей мама бы точно не вынесла.

От этой мысли уголки губ приподнимаются, но привычная хлесткая фраза звучной пощечиной возвращает меня в реальность:

— Вся в отца. Совсем не думаешь о других. Только развлекаешься и витаешь в облаках. Ничего, жизнь быстро расставит все по своим местам.

Молчи. Молчи, Теодора. Нельзя реагировать каждый раз на одну и ту же провокацию.

Можно. Особенно когда каждый звук впивается в сознание, распускает там свои щупальца и жалит где-то между извилин.

— Я не виновата, что он тебя бросил, мам. — Насмешка просачивается в мою фразу, несмотря на уговоры внутреннего голоса.

Ледяная снисходительность и показательный контроль над ситуацией исчезают. Злость сверкает в ореховых радужках. Мама бледнеет и цедит каждое слово:

— Нас. Он бросил нас, Теодора. Тебя тоже.

— Сложно злиться на человека, которого никогда не видел.

А вот злиться на мать, решившую, что ты не достоин ее любви и внимания черт знает по каким причинам, вполне себе легко. Только поддерживать в себе непотухающую злость столько лет невозможно. Рано или поздно она перестает полыхать, гноящиеся раны затягиваются корочками, и все это прячется за глухим фасадом обиды и неискоренимой тоски.

И без того резкие черты маминого лица заостряются, и она напоминает хищную птицу, приготовившуюся к нападению, — но ничего не происходит. Контроль над эмоциями всегда давался ей легко. Мама вздыхает, негодуяще качнув головой, и коротко бросает:

— Встреть брата у школы. Сделай хоть что-то полезное.

Готовность броситься в свою спальню, рухнуть на кровать и уткнуться лицом в подушки, давясь злыми слезами, пугает. Мотнув головой, я заставляю себя остаться на месте:

— Зачем? Он уже взрослый и сам в состоянии найти твоего водителя и сесть в машину.

Это просто унизительно — возиться с подростком, который всеми силами пытается откреститься от твоей компании.

Мама, подобрав ворох пакетов с продуктами, замирает возле арки, ведущей на кухню:

— Тебе сложно? Забота о брате — твоя единственная обязанность в этой семье, Теодора. Будь добра, исполний хотя бы ее.

Спорить бессмысленно, как и надеяться на возвращение здравого смысла. Поэтому я молча пересекаю гостиную, на ходу хватаю в коридоре пальто и вылетаю в подъезд. Палец требовательно барабанит по кнопке вызова лифта, и я не могу остановить это нервное движение.

Мама не всегда была такой. Где-то на задворках сознания тлеют воспоминания о доброй и любящей женщине, которая внимательно и заботливо относилась к обоим детям. До моих шести лет.

Сколько бы я ни пыталась прорваться к воспоминаниям о дне, когда все изменилось, ничего не выходит. Все, что удается нашарить в сознании, — в тот день я впервые увидела тетю Диану. В тот день я вообще впервые услышала о том, что у меня есть тетья.

* * *

Когда я добралась до школы, уроки уже закончились. Я не сомневалась, что опоздаю, но не смогла отказать себе в удовольствии проехать на трамвае. После очередной ссоры хотелось поговорить хоть с кем-то, но понять меня смогла бы разве что тетя Диана. Но она сейчас в командировке, наверняка гоняется за каким-то очередным редким предметом искусства, а телефоном не пользуется принципиально.

Серое величественное здание с нарядным фасадом, фигурными завитками под крышей и массивными карнизами кажется чужаком среди стеклянных высоток, бизнес-центров и модных ресторанчиков. Гимназия — словно крошечный портал в прошлое. Совсем не вписывается в блестящую отполированную обстановку, но сносить старинные учебные заведения пока никому не удастся благодаря неравнодушным активистам.

Миповав высокий кованый забор, я автоматически сворачиваю, шагая по змеящейся дорожке и разглядывая аккуратные клумбы тюльпанов, кусты сирени и только начинающие зеленеть клены. Настоящий парк.

Интуиция не подводит. Остановившись возле футбольного поля, я легко нахожу брата среди играющих. Худоцавая вытянутая фигура притягивает взгляд. Обычно старательно уложенные каштановые волосы сейчас растрепаны от быстрого бега, галстук с эмблемой школы болтается на шее, рукава белоснежной рубашки закатаны, и ее края небрежно торчат поверх брюк. Начищенные ботинки сминают неестественно зеленую искусственную траву. Боюсь представить, где его пиджак и пальто.

Мне бы за такое наверняка влетело, а брату хоть бы что.

Не позволяя гнетущей обиде разлиться в груди, складываю ладони рупором и зову:

— Лео!

Он даже не оборачивается. Как ни в чем не бывало продолжает носиться по полю, перехватив мяч, хотя я уверена — он прекрасно меня слышал.

Сам виноват. Я не настроена мириться с тем, что брат меня игнорирует. В следующий раз подумает лучше.

— Лео! Мама дома ждет. Пойдем, а то она не успеет почитать тебе сказки перед сном.

В толпе раздаются редкие смешки, но я знаю, что мои слова вряд ли могли нанести существенный урон его репутации.

Лео резко оборачивается, гневно сверкнув золотистыми глазами, и вскидывает руку, выставив средний палец. Я не успеваю ответить тем же — он возвращается к игре, словно меня и нет здесь вовсе.

Вот же мелкий засранец.

Раздраженно запахнув края пальто, я опускаюсь на лавочку и вытаскиваю новую книгу. Слова с трудом собираются в предложения, и смысл прочитанного безжалостно ускользает. Приходится слепо пялиться на страницу, раз за разом перечитывая одно и то же.

Будто мне больше заняться нечем. Только сидеть и ждать, когда любимому братику надоест испытывать мое терпение.

Радостный гомон заставляет меня отвлечься от чтения, и я захопываю книгу. Вокруг Лео толпятся друзья, галдя и хлопая его по плечу. Веселые выкрики сливаются, не позволяя различить слова.

Здорово, наверное, быть душой компании. Хотя и утомительно. Впрочем, откуда мне знать?

Веснушчатое лицо Лео появляется в поле зрения. Он улыбается, хлопая по ладоням одноклассников, но неприязненно морщится, когда приближается ко мне. С ним подходят трое друзей, один из которых, высоколобый и скуластый Матиас, обрушивается на лавочку рядом и, вальяжно закинув голень на колено, опускает ладонь на спинку скамьи за моим плечом:

— Тея, давненько тебя не было. Сходим куда-нибудь? Поужинаем вместе? Может, позавтракаем? — Он игриво приподнимает брови, все-таки касаясь пальцами моего плеча.

Друзья свистят и улюлюкают, посмеиваясь, а Лео отворачивается, на прощание махнув рукой.

Павлины. Распушили свои хвосты и считают, что им все можно.

Скинув ладонь Матиаса с плеча, я поднимаюсь, бросая ему:

— А ты уроки сделать успеешь? Не прошу себе твое отчисление.

Больше всего во всей этой назойливо повторяющейся истории меня раздражает снисходительная ухмылка Лео. Какому брату понравится такое обращение с родной сестрой?

Я уже почти догоняю Лео, когда слышу вслед смешок Матиаса:

— Покажу тебе все конспекты и сочинения. Ради такого и позаниматься можно.

Мелкие избалованные придурки. Это уже даже не забавно. Нелепо.

Решив не растрчивать попусту слова, вскидываю средний палец, пропуская мимо ушей новый шквал раздражающего свиста, и наконец-то равняюсь с братом. Лео спокойно идет вперед, засунув руки в карманы брюк, и края строгого пальто колышутся от ветра. Только когда мы сворачиваем за угол безликой хозяйственной постройки, огороженной низким заборчиком, он насмешливо фыркает:

— Зря ты так. Могла бы и сходить с ним куда-нибудь. Хоть немного бы высунула нос из своей конуры и пообщалась с людьми. — Лео не смотрит на меня, щурясь от яркого закатного солнца.

Пообщаться с людьми? Да к черту такое общение.

Возмущение закручивается вихрем, выталкивая из меня резкие необдуманные слова:

— Он просто мелкий самовлюбленный засранец. Спасибо, как-нибудь обойдусь. Мне достаточно одного избалованного придурка.

Лео усмехается — мой выпад его нисколько не задевает.

— Не в твоём положении воротить нос и привередничать. Сверстники на тебя даже не посмотрят.

Это еще что значит? Опешив от наглого заявления любимого брата, я забываю все заготовленные язвительные ответы и жалко уточняю:

— Что? Тебе-то откуда знать?

Лео тяжело вздыхает и все-таки поворачивается ко мне, хотя шаг не сбавляет. Последние солнечные лучики путаются в спадающих на лоб вьющихся прядях. Кривая улыбка растягивает бледные губы, и Лео пожимает плечами:

— Очевидно. Ты скучная, нелюдимая и никому не нравишься. Сразу понятно, что ты двинутая.

Безжалостный холод сверкает в светлых глазах. Лео спокойно минует черный забор, а мне приходится стиснуть кулаки, чтобы не отвесить брату злую оплеуху. Ну уж нет, я не стану опускаться до рукоприкладства.

Стоило бы привыкнуть к таким заявлениям, но каждое оскорбление брата отпечатывается в подкорке и рождает бесконечные сомнения. Может, он и прав. Может, ему со стороны виднее. Может, он вовсе и не обидеть меня хочет, а помочь.

Где-то внутри, в самых потаенных уголках сознания, все еще живет образ жизнерадостного, вечно смеющегося младшего братика, который тянет ко мне руки и не понимает, почему мама уводит его в другую комнату. Что стало с тем милым мальчиком? Я понятия не имею, но знаю точно, что он не мог превратиться в гаденыша, которого я до сих пор называю братом.

— Да пошел ты. — Я морщусь, отогнав навязчивое желание толкнуть Лео в плечо.

Лео безошибочно находит машину на парковке и, насмешливо фыркнув, не удосуживается ответить. Он быстро проскальзывает на заднее сиденье и захлопывает дверь передо мной.

Не удивлюсь, если машина сейчас тронется, и мне придется добираться до дома на общественном транспорте. Вполне в духе брата.

Вообще-то я собиралась сесть спереди, но от желания полить Лео ладони чешутся — он четко дал понять, что не хочет сидеть рядом. Глупая мстительность толкает меня обойти машину и сесть с другой стороны.

— Добрый вечер, Теодора. — Мамин водитель, лысеющий круглолицый мужчина в возрасте, улыбается в зеркало заднего вида. — Домой?

Лео кивает быстрее, чем я успеваю ответить, и машина трогается, погруженная в мрачную враждебную тишину. За окнами тянется широкая асфальтированная дорога, огражденная высокими новостройками, торговыми центрами и аккуратными рядами деревьев. То тут, то там загораются фонари и яркие вывески, превращая город в скопление мигающих огней.

Выждав пару минут, я достаю из сумки книгу. Не хочется впустую тратить время, да и от бездумного рассматривания дороги пользы нет. Будь рядом мама, она бы возмущалась, что я порчу себе зрение. К счастью, ее здесь нет.

— Тебе нужно до завтра написать мне сочинение по чеховской «Чайке».

Лео отрывается от экрана телефона и сверлит меня довольным ехидным взглядом. Специально дождался, когда я открою книгу. Знает, что ненавижу, когда меня отвлекают.

— Ты так никогда не сможешь и пару слов связать, если я все буду делать за тебя. Обойдешься.

Телефон Лео вибрирует. Он отвечает на сообщение и только после этого произносит спокойным и безразличным тоном:

— Зачем ты вечно сопротивляешься? Все равно ведь напишешь.

Действительно, чего это я? Какая сестра откажет в просьбе младшему братику? А, точно. Этот змееныш ни о чем не просит. Раздает приказы, словно я его личная прислуга.

— Не буду я ничего писать. Сделай сам для разнообразия. — Я закатываю глаза и тяжело вздыхаю.

Лео лениво пожимает плечами и сводит брови:

— Как хочешь. Придется маме пожаловаться.

С самого начала было ясно, что к этому все и идет, но я каждый раз пытаюсь сопротивляться, словно есть надежда, что обыденный сценарий изменится. Очень наивно с моей стороны.

Спокойствие и сдержанность дают трещину. Не так я собиралась провести вечер. У меня и свои дела есть. Учеба, в конце концов.